

НИЗКИЙ ПОКЛОН ВЕШЕНСКОЙ

Сегодняшний репортаж с берегов Дона и письма разных лет со всех концов земли

2207

УЖ ПЯТЫЙ час дороги. Уже свернули от Миллерова и пролетели неожиданно яркий верстовой столб, который отмывали от плотной придорожной пыли два не порабочему одетых парня: какая тьма народа идет мимо в горькие эти дни! А заезженное повседневыми заботами воображение наше все отказывается принять тяжелую, неисполнимую сегодня работу. Оно с личной тоской надеялось просто приобщиться к вселенской скорби сотен миллионов разноязычных людей и граждански, и землячески проводить Шолохова в последний путь. Оно хотело бы выпросить время, чтобы хорошо и серьезно подумать прежде. Оно могло бы наконец попытаться охватить сверху последний его взглядом застывший Дон с туманами уже розового, совсем почти весеннего краснотала. Но предстояло писать о Доншине Михаила Александровича Шолохова, о милой ему, свесившей печальные флаги Вешенской — и воображение наше пятилось от суверенного и честного страха: самая удачная попытка все равно неизбежно станет наивной на фоне всего написанного о Вешках им самим.

Дерзкие ветры во всей округе студено дуют небогатую ныне снегами родимую его степь. Изменившуюся, конечно, к чему он и сам немало приложил бесконечных государственных и гражданских своих забот, поскольку уверенно плывут в ней теперь камнем отстроившиеся и развернувшиеся, только по знаменитым именам и узнаваемые хутора и станицы. Который яр, какой курган и поворот давней этой дороги, которую он знал еще расхлябанной и конной, больше причастны к тайнствам гениального вдохновения, навсегда одарившего землю «Тихим Доном» и «Поднятой целиной», «Судьбой человека» и образами романа «Они сражались за Родину»? Шолохов и раньше не любил до такой необъяснимой степени говорить о причудливых путях своих замыслов. Теперь же это вообще останется тайной. С какой минуты стали жить в нем и обростать плотные образы замыслы «Нахаленка» и «Лазоревой степи»? И первым ли признаком «Тихого Дона» было его послание в 26-м году из Москвы базковскому станичнику Харлампию Ермакову, ставшему прообразом мятущегося и трагического образа Гришки Мелехова? И ведь живы, не могли иссякнуть жилочки, которые через столько лет тянутся от ранних шолоховских замыслов к нынешним потопкам многочисленных и вполне реальных прообразов, коль до сих пор уже новое поколение ведет по станицам незатаивающий спор — в ком кого больше.

Вот уж который час мы говорим обо всем этом. И мы приходим к выводу, что порученный нам редакцией репортаж из Вешенской должен быть не столько личными эмоциями, сколько осмыслением материалов безусловно документальных.

«...Родимая степь над низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравешшим гнездованным следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновью целую твою пресную землю, донская, казачья, нержавевшей кровью политая степь!»

Не надо напрягать память, чтобы вспыхнули в ней строки из писем таких разных и единых в своем третлетном отношении к Художнику людей, писем, которые составляли стержень книги «Тихий Дон» сражаться.

ГДР
 Меня фашисты восемь раз сажали в тюрьму. Но даже в это страшное время нашелся один столар на юго-западе Берлина, в мастерской которого в мешке с разным хламом сохранилась часть моих книг, а среди них «Тихий Дон» Шолохова...

На обложке «Тихого Дона» я сделала следующую надпись:
 «Двенадцать лет фашистского господства пережили эти книги Шолохова. Было небезопасно хранить их в то время. Я прятал их в мешки с хламом, в полевые ниши, зарывал в землю. И всегда любил с радостью и трепетом брать их в руки, даже если это было и опасно. Чтобы читать «Тихий Дон» в то время, нужна была вера в чело века, осторожность и немного личного мужества.
 Друг, если ты берешь их в руки, обращайся с ними с такой заботой, с какой они были спасены для нас в черное время нацизма».

Вилли Линке.

БОЛГАРИЯ
 На мой запрос, какое впечатление произвел «Тихий Дон» на донских казаков в эмиграции, Павел Кидиниев от

В СКОРБНЫЕ эти дни и мы обязаны особо поклониться этой небогатой и трудной, с песком пополам земле, которая дала Шолохову жизнь, нравственные и творческие силы для раннего и столь стремительного взлета.

Мимо — уже поворот на хутор Кружлинский, где шолоховские земляки еще при жизни основали музей в небогатой хате, где родился великий писатель.

Так уж исторически сложилось, что переводы и издания «Тихого Дона» за рубежом совпали со становлением коммунистических партий и ростом международного рабочего движения, которые требовали более разносторонней, в том числе и литературной информации о русской революции. Именно в это время Шолохов своим романом оказал плодотворное воздействие на процесс большевизации коммунистических и рабочих партий. Коммунистические газеты рассматривали «Тихий Дон» не только как «чудесный шедевр писателя-революционера», но и как «учебник для трудящихся города и деревни».

Тысячи документальных свидетельств убеждают, что роман «Тихий Дон» как философско-художественное обобщение опыта Великого Октября стал грозным оружием для миллионов трудящихся всей планеты.

Чтобы услышать, понять голос миллионов, надо различить в нем каждую личностную ноту.

ИСПАНИЯ

Анхель Эрраис положил передо мной на стол крохотный листочек папиросной бумаги, исписанный черной тушью, и продиктовал его содержание: «Дорогой, далекий и незабвенный отец наш! Спасибо за чудесный подарок — вестник весны! До нас все дошла изданная в Москве в переводе Анхеля Эрраиса «Поднятая целина» Шолохова — изображение величайшего переворота на Востоке. Со страниц «Поднятой целины» на нас повеял живописный ветер Русской революции... Ты знаешь, отец, как нам трудно. Но и мы знаем, что Время так же, как вода каплями, медленно, но неотвратимо долбит и рушит камни. Мы верим, что и над нашей многострадальной землей еще пробьют часы Истории. И присланная тобою шолоховская «Поднятая целина» (она уже пошла тайком по рукам!), и ваши давние жертвы, и мы, в подполье, приближаем то Время, когда наш народ снова поднимется, чтобы перевернуть вековую целину в жизни Испании».

Привет тебе и Анхелю Эрраису! март 1965, Испания».

ФРАНЦИЯ

«Дорогой друг! Для многих людей на Западе Россия — загадка, Уж сколько раз пророчили вашу гибель: «Россия блуждает во мгле! Она в огне! Россия катится в бездну! И ее писатель Максим Горький — последний талант у скифов!» Но именно в этой Скифии родился писатель Шолохов, который дал миру «Тихий Дон» — красную «Илиаду». Французы и немцы его называют Львом Толстым. В Италии его уже запретили! А соседи турки еще не знают, что Григорий Мелехов, внук турчанки, стал одним из их вестных героев великой трагедии XX века. И не пророк, но должен сказать, что «Тихий Дон» Шолохова, после триумфа в Берлине и Париже, еще покорило сердца турок, индийцев, японцев и весь мир!

Да здравствует Россия и Шолохов! Андрэ Марсель. Комитет защиты «Юманите».

ПАКИСТАН

«Находясь в тюрьме, я много читал. Среди большого числа политических брошюр мне попалась ветхая, зачитанная английская книга объемом в 750 страниц. Чем дальше я читал ее, тем яснее становилась необходимость перевести эту книгу на язык урду. И действительно, нача 14 апреля в гудисаретской тюрьме эту работу, а 18 июля 1941 года закончил ее перевод. Настоящее название этой книги «Тихий Дон»... Шолохов в этом романе дал такую широкую и полную картину жизни русского крестьянства, какой не встре-

Михаил Шолохов и секретарь Вешенского райкома ВКП(б) Петр Луговой в кабинете писателя. М. А. Шолохов только что принял в ряды Коммунистической партии Советского Союза (октябрь, 1932 г.). Фото В. Темина.

тишь в литературе других стран. И это понятно. Еще Гоголь, Толстой и Горький были блестящими создателями реалистических произведений. И естественно, что Шолохов является продолжателем их традиций...

Прочитав этот роман, сразу трудно понять, кто в нем главные герои. Григорий и Акинья или Бунчук и Анна. Но в конце концов становится ясно, что главный герой — народ, поднявшийся на революционную борьбу... Люди урду! Когда вы прочтете этот роман «Бахта Дарья» о революции в русской деревне, вы поймете, что это живой рассказ и о вашей деревне, и ее жителях. Поверьте, подобно тому, как сейчас на берегах Инда и Джамны разгорается борьба с колонизаторами, двадцать лет назад русские вот так же боролись против белых армий помещиков и интервентов, сражались и страдали, любили и умирали, чтобы обрести свободу, правду и счастье. И они победили.

Саид Матлаби Фаридабади. Гудисаретская тюрьма, Пенджаб. 1.9.1941 г.»

ДО ВЕШЕНСКОЙ остаются всего считанные версты, когда на последнем взгоне, на самом ветру, который выемивал на шоссе невесть откуда перелетавший снег, приложил руку к шапке неведомый нам миллицей сержант. Будто скорбью своей поделился, поскольку никакой устав внутренней службы не мог вельте ему именно так вот встречать великое множество людей, везущих в Вешенскую глубокое свои печали.

Оставалось спуститься под угор, к голубым домам Базков и дальше — мимо дождающихся половодья ветл и тополей. Но это было бы слишком сразу, а как хочется отодвинуть все приближающееся горе! И мы с основного шоссе поворачиваем налево, к неуверенной пока, временной дороге, которой через год другой, как только соберут наконец новый мост через Дон, о котором столь прозаично хлопотал народный депутат Шолохов, суждено стать основной магистралью к Вешкам. И тогда огромный литой орел, взлетающий с увенчанного бетонным «останком» кургана, окажется ближайшим к первым из вешенских памятников на пути вечного людского поломничества. Аллегорическая мысль Серафимовича так вот не совсем ожиданно, но материально приземлилась на этом кургане у будущей вешенской дороги. Но аллегория ли? Разве только донскую степь

охватил он орлиным взглядом? И снова тянется память к откровениям землян.

ШВЕЦИЯ

«Прошло уже более 20 лет, как я впервые прочел «Тихий Дон» — фантастическое (по таланту) произведение, которое, как мне кажется, объединяет многие из основных черт русской литературы — грустно-тоскующее, героическое, юмористическое, философское, психологически углубленное. Для меня «Тихий Дон» был большим событием, чем гоголевский «Тарас Бульба», и более потрясающим социальным протестом, чем «Фома Гордеев» Горького! «Тихий Дон» стал моим спутником на все эти годы, я часто снимаю его с книжной полки и всегда с неутолимой жаждой перечитываю и переживаю». Михаил Шолохов принадлежит к тем спутникам в жизни, которых не предают.

Стиг Карлсон».

США

«Я только что прочитал замечательный роман «Тихий Дон» (Шолохова). Мне хочется поздравить вас с этим шедевром. Никогда еще ни одна книга не оказывала такого влияния на мои мысли по столь различным вопросам. Впервые, я никогда не думал, что книга может вызвать у меня такие сильные эмоции. Над некоторыми страницами я просто плакал, особенно в конце книги. Во-вторых, эта книга совершенно изменила мое отношение к войне. К счастью, война не коснулась лично меня и моей семьи. И поэтому фактически я не знал войны. Я читал другие романы о войне, но я не видел в них влияния войны на семью, на домашний очаг. То, что я прочел о войне в «Тихом Доне», привело меня в ужас. Я очень благодарен Шолохову за эту книгу. В-третьих, чтобы вы поняли, какое огромное влияние оказал на меня «Тихий Дон» Шолохова, я должен признаться вам, что эта книга даже заставила меня изменить мои молитвы к богу. «Тихий Дон» оказал на меня столь благотворное воздействие, что у меня просто не хватает слов, чтобы выразить Шолохову свою благодарность. С искренним приветом Лестер Д. Эзраги».

«Большое спасибо М. Шолохову за эту величественную сагу о казаках. Несомненно, это один из великих писателей нашего времени. Искренне — Поль Робсон».

ВЕНЕСУЭЛА

«Впервые я прочитал «Тихий Дон» — этот великодушный роман — в тюрьме. Его страницы открыли картину классовой битвы высочайшего накала: вот почему эта книга очень важна для нашего народа, для его борьбы, во главе которой идут коммунисты».

«Тихий Дон» — это прекраснейшее произведение — я рассматриваю как последние надежды всем тем, кто в различных местах земли ведет борьбу за свободу народных масс и независимость своей родины!

Хесус Фариа, венесуэлец».

С ВЕТРЕННОГО курганного высока хорошо видна станица Вешенская, как уважительно именуют ее в официальных документах. Вешки — как тепло и ласково издавна зовут в донском просторечии, словно удивляясь нарочито, а на самом-то деле хитро и гордо подтверждая, что и российский Вешки не обошла судьба мирового величия. Это, может быть, для кого-то и есть великий писатель современности — Михаил Шолохов. А для них — пахарей и пастухов — еще и просто земля-станичник, который для всего мира увековечил простоту, не такие уж и давние донские были, некогда полные отчаяния и драматизма, но и яростные верой в уже сбывшееся сегодня. И ни в чем не погрешил против суровой правды, потому как и сегодня есть еще по хуторам и станицам живые свидетели запутанных, сложных, но по сути своей великих событий, навечно запечатленных в «Тихом Доне» и «Поднятой целине».

Для них он просто станичник, который всю жизнь за суетой столичной жизни не гонялся, но и здесь великим своим писательским предназначением особо не кичился и от их земных забот творческими своими трудами не отгораживался. Поскольку ведь это он принес свою Государственную премию мальчишким и девчачьим станицы Каргинской и сказал — пошутил: на всю, мол, новую школу, может быть, и не хватит, но на фундамент — вполне. И это он голос возвысил, от замахнувшегося топора спасая поймаенные леса и редкой красоты бор, когда-то остановивший нашествие перелетаемых горячим «астрехацем» песком. И не смейте людей, которых согрел личным своим участием. И мост будущий, и совместная рыбалка на утренней заре, и многое другое — все это с ним и навсегда теперь у них связано. Как передать словами эту нерасторжимую связь? Можно и так, как сделал это венгерский писатель.

ВЕНГРИЯ

«Дорогой Михай Шолохов! На трагических распутиях прошлых лет мне так часто хотелось написать тебе письмо. Хотелось написать, как пишет человек человеку, как писатель писателю. Но нельзя было написать ни так, ни по-другому. Нельзя было

нова из «Поднятой целины», Павла Власова из повести Горького «Мать», Павла Корчагина из «Как закалялась сталь» Островского... Признаюсь вам, что в тиши глубокой ночи, когда я переводил финал «Поднятой целины» — страницы о гибели Давыдова и Нагульнова, я плакал, и останавливалось мое перо... Революционная советская литература, вдохновляемая бессмертными идеями Ленина, может гордиться творчеством Шолохова».

С ПРОТИВОПОЛОЖНОГО базковского берега видно, что улицы Вешек и без того забыты машинами и людьми. И потому тяжелые автобусы останавливаются прямо здесь, на не по-зимнему шипучих береговых песках. Тихий Дон рассечен синей польней. Перед острым ее языком, который каждый день все ближе подступает к потрескавшейся заново намороженной ледовой переправе, бегут яркими тропинками повязанные вешки. И пешком тануются отсюда по льду озябшие больше от печали, чем от ветра, земляки его — из Кашари Черткова, Боковой и Каргинской, Кружлинского и Грачева, из совхозов «Тихий Дон», «Поднятая целина». Скорым шагом проследовала яркопогонная рота почетного военного эскорта с зачехленным знаменем. И вереница совсем присмиривших мальчишек из той самой кружлинской школы. Все эти потоки поднимаются на высокий вешенский берег, чтобы стать уже неразличимыми во множестве других людей — спешно прилетевших, приехавших, вышедших из ближайших переулков и дворов, чтобы хоть когда-то подняться по мраморной лестнице затопленного народом Дома культуры и впервые, еще и в последний раз увидеть этого человека, молча сказать ему благодарное «спасибо» и увидеть, как совсем рядом с венками Центрального Комитета партии и Президиума Верховного Совета СССР, с настоящими и издадека везшими цветами лежат скромные цветки чей-то начисто срезанной домашней герины.

...Одна смена почетного караула меняет другую, и рядом с подтянутыми армейскими парнями, как близнецы похожими не только формой, но и откровенно взволнованной сосредоточенностью, встанут думать грустное и свое сотни других, благодарных Шолохову людей.

Сколько лет уж первым районным партийным секретарем Лев Андреевич Чуприн, уже старейшим в области называют. Он хорошо помнит, как Шолохов сказал в день своего 70-летия: «Вдвойне приятно видеть здесь секретарей райкомов партии нашей Ростовской области. И вы поймете, почему. Все ж-таки из 70 лет 45 лет я пробыл в партии и 45 лет постоянно общался с «райончиками», руководителями Вешенского района. Коммунисты района — это близкий родной мне народ, вместе с ними я делил и радости, и тяготы нелегких 40-х годов, вместе с ними я рос и мужал как коммунист, учился у них и помогал им обмануть богатства нашей отечественной культуры. Словом, связь кровная и долготелая...»

И в этом была неподдельная, лишняя даже малейшей снисходительности правда. Да кто из ближайших райончиков не переступал порог всегда открытого шолоховского дома, чтобы рассказать о делах или попросить некорыстной поддержки. А главное, отстранял от житейской суеты, поговорить о великом смысле жизни.

По-военному прямой, неузнаваемо непрямой встает на печальную вахту Виталий Александрович Закругкин, которому еще пять десятилетий назад Серафимович говорил: «Шолохов правильно живет. Он, несмотря на свою славу, не уходит и не может уйти от тех людей, которых полюбил с детства и о которых написаны такие великолепные страницы». А самому старейшине донской литературы еще предстоит сказать о неотвратимо приближающемся прощании: «...Как никто другой, Михаил Александрович был сыном земли...»

И встанет среди родных и близких Михаила Александровича людей первый секретарь Миллеровского горкома партии Владимир Тихонович Логачев, его, еще мальчишкой, в годину навета, свалившегося на голову его отца — бывшего председателя Вешенского райисполкома Тихона Логачева, Шолохов закрыл крылом своего дома от тени несправедливости, против которой потом столь отважно боролся и победил. Вот ведь какую житейскую и партийную эстафету принимает в эту минуту от великого человека нынешний миллеровский секретарь...

И множество других людей, навсегда связанных с Шолоховым личными или гражданскими долгами, считают своей обязанностью встать на грустную эту вахту.

зеты рассматривали «Тихий Дон» не только как «чудесный шедевр писателя-революционера», но и как «учебник для трудящихся города и деревни».

Тысячи документальных свидетельств убеждают, что роман «Тихий Дон» как философско-художественное обобщение опыта Великого Октября стал грозным оружием для миллионов трудящихся всей планеты.

Чтобы услышать, понять голос миллионов, надо различить в нем каждую личную ноту.

ИСПАНИЯ

Анхель Эрраис положил передо мной на стол крохотный листочек папирусной бумаги, исписанный черной тушью, и продиктовал его содержание: «Дорогой, далекий и незабвенный отец наш! Спасибо за чудесный подарок — вестник весны! До нас все же дошла изданная в Москве в переводе Анхеля Эрраиса «Поднятая целина» Шолохова — изображение величайшего переворота на Востоке. Со страниц «Поднятой целины» на нас повеял живописный ветер Русской революции... Ты знаешь, отец, как нам трудно. Но и мы знаем, что Время так же, как вода камнями, медленно, но неотвратимо облит и рушит камни. Мы верим, что и над нашей многострадальной землей еще пробьют часы Истории. И присланная тобою шолоховская «Поднятая целина» (она уже пошла тайком по рукам!), и ваши давние жертвы, и мы, в подполье, приближаем то Время, когда наш народ снова поднимется, чтобы перевернуть вековую целину в жизни Испании».

Привет тебе и Анхелю Эрраису!
март 1965,
Испания».

ФРАНЦИЯ

«Дорогой друг! Для многих людей на Западе Россия — загадка. Уж сколько раз пророчили вашу гибель: «Россия блуждает во мгле! Она в огне! Россия катится в бездну! И ее писатель, Максим Горький — последний талант у скифов!» Но именно в этой Скифии родился писатель Шолохов, который дал миру «Тихий Дон» — красную «Илльду». Французы и немцы его называют Львом Толстым. В Италии его уже запретили! А соседи турки еще не знают, что Григорий Мелехов, внук турчанки, стал одним из известных героев великой трагедии XX века. Я не пророк, но должен сказать, что «Тихий Дон» Шолохова, после триумфа в Берлине и Париже, еще покорило сердца турок, индийцев, японцев и весь мир!

Да здравствуют Россия и Шолохов!
Андрэ Марсель.
Комитет защиты «Юманите».

ПАКИСТАН

«Находясь в тюрьме, я много читал. Среди большого числа политических брошюр мне попала ветхая, зачитанная английская книга объемом в 750 страниц. Чем дальше я читал ее, тем яснее становилась необходимость перевести эту книгу на язык урду. И действительно, начав 14 апреля в губисинской тюрьме эту работу, я 18 июля 1941 года закончил ее перевод. Настоящее название этой книги «Тихий Дон»... Шолохов в этом романе дал такую широкую и полную картину жизни русского крестьянства, какой не встре-

тишь в литературе других стран. И это понятно. Еще Гоголь, Толстой и Горький были блестящими создателями реалистических произведений. И естественно, что Шолохов является продолжателем их традиций...»

Прочитав этот роман, сразу трудно понять, кто в нем главные герои. Григорий и Аксинья или Бунчук и Анна. Но в конце концов становится ясно, что главный герой — народ, поднявшийся на революционную борьбу... Люди урду! Когда вы прочтете этот роман «Бахта Дарь» о революции в русской деревне, вы поймете, что это живой рассказ и о вашей деревне, и ее жителей. Поверьте, подобно тому, как сейчас на берегах Инда и Джамны разгорается борьба с колонизаторами, двадцать лет назад русские вот так же боролись против белых армий помещиков и интервентов, сражались и страдали, любили и умирали, чтобы обрести свободу, правду и счастье. И они победили.

Саид Матлаби Фаридабади.
Губисинская тюрьма, Пенджаб.
1.9.1941 г.»

ДО ВЕШЕНСКОЙ остаются всего считанные версты, когда на последнем взгоне, на самом ветру, который выжевал на шоссе невесты откуда перелетавший снег, приложил руку к шапке неведомый нам милицкий сержант. Будто скорбью своей поделился, поскольку никакой устав внутренней службы не мог велеть ему именно так вот встречать великое множество людей, везущих в Вешенскую глубокие свои печали.

Оставалось спуститься под угор, к голубым домам Базков и дальше — мимо дождящихся половецких ветл и тополей. Но это было бы слишком сразу, а как хочется отодвинуть все приближающееся горе! И мы с основного шоссе поворачиваем налево, к неуверенной поке, временной дороге, которой через год-другой, как только соберут наконец новый мост через Дон, о котором столь прозанчо хлопотал народный депутат Шолохов, суждено стать основной магистралью к Вешкам. И тогда огромный литой орел, взлетающий с увенчанного бетонным «останцем» кургана, окажется ближайшим к первым из вешенских памятников на пути вечного людского полоничества. Аллегорическая мысль Серафимовича так вот не совсем ожиданно, но материально приземлилась на этом кургане у будущей вешенской дороги. Но аллегория ли? Разве только донскую степь

окхватил он орлиным взглядом? И снова тянется память к откровениям земляки.

ШВЕЦИЯ

«Прошло уже более 20 лет, как я впервые прочел «Тихий Дон» — фантастическое (по таланту) произведение, которое, как мне кажется, объединяет многие из основных черт русской литературы — грустно-тоскующее, героическое, юмористическое, философское, психологически углубленное. Для меня «Тихий Дон» был большим событием, чем гоголевский «Тарас Вульба», и более потрясающим социальным протестом, чем «Фома Гордеев» Горького! «Тихий Дон» стал моим спутником на все эти годы, я часто снимаю его с книжной полки и всегда с неуемным желанием перечитываю и переживаю». Михаил Шолохов принадлежит к тем спутникам в жизни, которых не предают.

Стиг Карлсон».

США

«Я только что прочитал замечательный роман «Тихий Дон» (Шолохова). Мне хочется поздравить вас с этим шедевром. Никогда еще ни одна книга не оказывала такого влияния на мои мысли, по столь различным вопросам. Впервые, я никогда не думал, что книга может вызвать у меня такие сильные эмоции. Над некоторыми страницами я просто плакал, особенно в конце книги. Во-вторых, эта книга совершенно изменила мое отношение к войне. К счастью, война не коснулась лично меня и моей семьи. И поэтому фактически я не знал войны. Я читал другие романы о войне, но я не видел в них влияния войны на семью, на домашний очаг. То, что я прочел о войне в «Тихом Доне», привело меня в ужас. Я очень благодарен Шолохову за эту книгу. В-третьих, чтобы вы поняли, какое огромное влияние оказал на меня «Тихий Дон» Шолохова, я должен признаться вам, что эта книга даже заставила меня изменить мои молитвы к богу. «Тихий Дон» оказал на меня столь благотворное воздействие, что у меня просто не хватает слов, чтобы выразить Шолохову свою благодарность. С искренним приветом

Лестер Д. Эзрати».

«Большое спасибо М. Шолохову за эту величайшую сагу о казаках. Несомненно, это один из великих писателей нашего времени».

Искренне — Поль Робсон».

Михаил Шолохов и секретарь Вешенского райкома ВКП(б) Петр Луговой в кабинете писателя. М. А. Шолохов только что принят в ряды Коммунистической партии Советского Союза (октябрь, 1932 г.). Фото В. Темина.

ВЕНЕСУЭЛА

«Впервые я прочитал «Тихий Дон» — этот великодушный роман — в тюрьме. Его страницы открыли картину классового битвы высочайшего накала: вот почему эта книга очень важна для нашего народа, для его борьбы, во главе которой идут коммунисты».

«Тихий Дон» — это прекраснейшее произведение — я рассматриваю как послание надежды всем тем, кто в различных местах земли ведет борьбу за свободу народных масс и независимость своей родины!

Хесус Фариа,
венесуэлец».

С ВЕТРЕННОГО курганного висока хорошо видна станция Вешенская, как уважительно именуют ее в официальных документах. Вешки — как тепло и ласково издавна зовут в донском просторечии, словцо удивляясь нарочито, а на самом-то деле хитро и гордо подтверждадая, что и российские Вешки не обошла судьба мировым величием. Это может быть, для кого-то он и есть великий писатель современности — Михаил Шолохов. А для них — пахарей и пастухов — еще и просто земляк-станичник, который для всего мира увековечил непростые, не такие уж и давние донские были, некогда полные отчаяния и драматизма, но и яростные верой в уже сбывшееся сегодня. И ни в чем не погрешил против суровой правды, потому как и сегодня есть еще по куртам и станциям живые свидетели запутанных, сложных, но по сути своей великих событий, навечно запечатленных в «Тихом Доне» и «Поднятой целине».

Для них он просто станичник, который всю жизнь за суетой столичной жизни не гонялся, но и здесь великим своим писательским предназначением особо не кичился и от их земных забот творческими своими трудами не отгораживался. Поскольку ведь это он принес свою Государственную премию мальчишким и девчачьим станицам Каргинской и сказал — пошутит: на всю, мол, новую школу, может быть, и не хватит, но на фундаменте — вполне. И это он голос возвысил, от замахнувшегося топора спасая пойменные леса и редкой красы бор, когда-то остановивший нашествие перелетаемых горячим «кастраханием» песков. И не счастье людей, которых согрел личным своим участием. И мост будущий, и совместная рыбалка на уртенной заре, и многое другое — все это с ним и навсегда теперь у них связано. Как передать словами эту нерасторжимую связь? Можно и так, как сделал это венгерский писатель.

ВЕНГРИЯ

«Дорогой Михай Шолохов! На трагических распутьях прошлых лет мне так часто хотелось написать тебе письмо. Хотелось написать, как пишет человек человеку, как писатель писателю. Но нельзя было написать ни так, ни по-другому. Нельзя было нам писать с берегов Тиссы... Куда бы ни шел писатель — везде муки, кровь и пот, были безрадостны солнечные дни и росистые рассветы».

И лишь только на языке широких просторов, в мизике ветров и в напевах рек мог я тогда поговорить с тобой. Сейчас, Михай Шолохов, наши просторы обнялись как равные. Наши ветры сеют те же бури, яблоки наши приносят те же мирные плоды».

Далеко на Западе сражаются бойцы с Дона, пробуждают крестьян других наций, и за все это, Михай Шолохов, отсюда, с берегов Тиссы, от имени моей земли и моего народа благодарю тебя».

Благодарю, что верным остался «Тихий Дон» и все великие русские книги. Как верны остались наши души, вера и любовь к этим книгам. Я передаю тебе благодарность маленького, но много страдавшего народа. Однажды мы, может быть, встретимся вдвоем здесь или там, на берегу какой-нибудь реки, среди счастливых крестьян как писатели, представляющие великую веру в революцию, живущую в вашем и нашем народах».

Будапешт.

15 апреля 1945 г.»

ВЬЕТНАМ

В письме от 25 марта 1965 года Хонг Чинь писал нам: «Поднятая целина» Шолохова будет вечно жить в сердцах вьетнамских людей, так же как и советских. Вьетнамский народ считает героев «Поднятой целины» Давыдова, Нагульнова, Разметнова своими сыновьями, мужественными борцами за победу социализма в деревне... У нас, во Вьетнаме, когда обсуждают на собраниях вопросы жизни, когда говорят о партийности и преданности революции, всегда вспоминают Давыдова и Нагуль-

Сабо Пал.

Станция Вешенская на Дону.

Фото В. Пескова.

Дерзкие ветры во всей округе студено дуют небогатую ныне снетами родимую его степь. Изменившуюся, конечно, к чему он и сам немало приложил бесконечных государственных и гражданских своих забот, поскольку уверенно плывут в ней теперь камнем отстранившиеся и развернувшиеся, только по знаменитым именам и узнаваемые хутора и станицы. Тот же яр, какой курган и поворот давней этой дороги, которую он знал еще расхлябанной и конной, больше причастны к таинству гениального вдохновения, навсегда одарившего землю «Тихим Доном» и «Поднятой целиной», «Судьбой человека» и образами романа «Они сражались за Родину»? Шолохов и раньше не любил до такой необъяснимой степени говорить о причудливых путях своих замыслов. Теперь же это вообще останется тайной. С какой минуты стали жить в нем и обрести плотные образы замыслы «Нахаленка» и «Лазаревый степи»? И первым ли признаком «Тихого Дона» было его послание в 26-м году из Москвы базковскому станичнику Харлампию Ермакову, ставшему прообразом мятежесого и трагического образа Гришки Мелехова? И ведь живы, не могли иссякнуть жилочки, которые через столько лет тянутся от ранних шолоховских замыслов к нынешним потомкам многочисленных, и вполне реальных прообразов, коль до сих пор уже новое поколение идет по станицам незатаивающий спор — в ком кого больше.

Вот уж который час мы говорим обо всем этом. И мы приходим к выводу, что порученный нам редакцией репортаж из Вешенской должен быть не столько личными эмоциями, сколько осмыслением материала безусловно документальных.

«...Родимая степь над низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравившим гнездованным следом конского копыта, курганы, в мудром молчании бережущие казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыповски целую твою пресную землю, донская, казачья, пержающей кровью политая степь!»

Не надо напрягать память, чтобы всплунули в ней строки из писем таких разных и единых в своем трепетном отношении к Художнику людей, писем, которые составляют стержень книги «Тихий Дон» сражаются».

ГДР

«Меня фашисты восемь раз сажали в тюрьму. Но даже в это страшное время нашелся один столар на юго-западе Берлина, в мастерской которого в мешке с разными хламом сохранилась часть моих книг, а среди них «Тихий Дон» Шолохова...»

На обложке «Тихого Дона» я сделал следующую надпись:

«Двадцать лет фашистского господства пережили эти книги Шолохова. Было небезопасно хранить их в то время. Я прятал их в мешки с хламом, в погребные ниши, зарывал в землю. И всегда люди с робостью и трепетом брали их в руки, даже если это было и опасно. Чтобы читать «Тихий Дон» в то время, нужна была вера в человека, осторожность и немного личного мужества».

Друг, если ты берешь их в руки, обращайся с ними с такой заботой, с какой они были спасены для нас в черное время нацизма».

Вилли Линке.

БОЛГАРИЯ

На мой запрос, какое впечатление произвел «Тихий Дон» на донских казаков в эмиграции, Павел Кудинов ответил так:

«Роман Шолохова «Тихий Дон» есть великое сотворение истинно русского духа и сердца. Впервые я пробовал читать его по-болгарски, но плохо понимал. Позже выписал себе из Белграда русское издание. Читал я «Тихий Дон» в захлеб, рыдал, горевал над ним и радовался — до чего же красиво и влюбленно все описано, и страдал-казнил — до чего же полюбил горькая правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки — батраки-поденщики — собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались «Тихим Доном» до слез. И пели старинные донские песни, проклиная Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту. И многие рядовые и офицеры — казаки — допытывались у меня: «Ну до чего же все точно Шолохов про восстание написал. Скажите, Павел Назарович, не припомните, кем он у вас служил в штабе, энот Шолохов, что так досконально все мысленно превознес и изобразил?». И я, зная, что автор «Тихого Дона» о ту пору был еще отроком, отвечал полчанам: «То все, други мои, талант, такое ему от бога дано видение человеческих сердец и талант!». Скажу вам как на духу: «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново, и тоска наша по России стала еще острее, а в головах повсвело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова «Тихий Дон» как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!), — эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера — «Дранг нах Остен!» — был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за это прозрение на чужбине многих тысяч темных казаков благодаря «Тихому Дону» и передает Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон».

переправе, бегут яркими трипачами повязанные вешки. И пешком тянутся отсюда по льду озыбшие больше от печали, чем от ветра, земляки его — из Кашар и Черткова, Боковской и Каргинской, Кружилинского и Грачева, из совхозов «Тихий Дон», «Поднятая целина». Скорым шагом проследовала яркопогонная рота почетного военного эскорта с зачехленным знаменем. И вереница совсем присмиривших мальчишек из той самой кружилинской школы. Все эти потоки поднимаются на высокий вешенский берег, чтобы стать уже неразличимыми во множестве других людей — спешно прилетевших, приехавших, вышедших из ближайших перулков и дворов, чтобы хоть когда-то подняться по мраморной лестнице затопленного народом Дома культуры и впервые, еще и в последний раз увидеть этого человека, молча сказать ему благодарное «спасибо» и увидеть, как совсем рядом с вешками Центрального Комитета партии и Президиума Верховного Совета СССР, с настоящими и издавна везенскими центами лежат скромные цветки чьей-то начисто срезанной домашней герани.

«Одна смена почетного караула меняет другую, и рядом с подтянутыми армейскими парнями, как близнецы похожими не только формой, но и откровенно взволнованной сосредоточенностью, встают думать грустное и свое сотни других, благодарных Шолохову людей».

Сколько лет уж первым районным партийным секретарем Лев Андреевич Чупринин, уже старейшим в области называю. Он хорошо помнит, как Шолохов сказал в день своего 70-летия: «Вдвойне приятно видеть здесь секретарей райкомов партии нашей Ростовской области. И вы поймете, почему. Все ж-таки из 70 лет 45 лет я пробыл в партии и 45 лет постоянно общался с «районщиками», руководителями Вешенского района. Коммунисты района — это близкий родной мне народ, вместе с ними я делил и радости, и тяготы нелегких 40-х годов, вместе с ними я рос и мужал как коммунист, учился у них и помогал им осваивать богатства нашей отечественной культуры. Словом, связь кровная и долготелая...»

И в этом была неподдельная, лишняя даже малейшей снисходительности правда. Да кто из ближайших райончиков не переступал порог всегда открытого шолоховского дома, чтобы рассказать о делах или попросить некорыстной поддержки. А главное, отстраняя от житейской суеты, поговорить о великом смысле жизни.

По-военному прямой, неузнаваемо непривычный встает на печальную вахту Виталий Александрович Закруткин, которому еще пять десятилетий назад Серафимович говорил: «Шолохов правильно живет. Он, несмотря на свою славу, не уходит и не может уйти от тех людей, которых полюбил с детства и о которых написал такие великолепные страницы». А самому старейшине донской литературы еще предстоит сказать о неотвратимо приближающемся прощании: «...Как никто другой, Михаил Александрович был сыном земли...»

И встанет среди родных и близких Михаила Александровича людей первый секретарь Миллеровского горкома партии Владимир Тихонович Логачев, его, еще мальчишкой, в годину навета, свалившегося на голову его отца — бывшего председателя Вешенского райисполкома Тихона Логачева, Шолохов закрыл крылом своего дома от тени несправедливости, против которой потом столь отважно боролся и победил. Вот ведь какую житейскую и партийную эстафету принимает в эту минуту от великого человека нынешний миллеровский секретарь...

И множество других людей, навсегда связанных с Шолоховым личными или гражданскими долгами, считают своей обязанностью встать на грустную эту вахту.

Потом сводный оркестр рванет и без того стонущую душу и траурный кортеж медленно пойдет по улицам, совсем рядом с нами; как о родном, вскрикнет Анна Фоминична Кочетова — бывшая сельская почтальонка, которая будет истово объяснять нам всем, каким было для нее счастье 21 лет подряд приносить ему огромные, иногда просто неподъемные пачки писем со всего света, и как он догадался помочь ей непривычным тогда мотороллером, и как осторожно помогал семье пережить не самые сытые и теплые послевоенные годы.

А мы идем к площади и многотысячному митингу вместе с полным кавалером боевой славы Иваном Максимовичем Живых из совхоза «Шолоховский», который удивленно признался нам, что и видел его всего раз, но всегда — и в военные годы, и в годы спокойного хлеборобства — благодарно и ответственно принимал себя его земляком.

И поэт Егор Исаев будет говорить о том, что особая сила Шолохова все-таки в том и заключается, что писал он не о гражданской войне, не об острейшем периоде коллективизации, а каждый раз — как бы из. Из самого военного пекла, из самых масс, которые доверили ему свои думы и чаяния. Потом были торжественные, полные благодарного оптимизма речи на митинге.

И процессия повернула к собственному его скромному дому и не менее скромному саду на высоком донском берегу, где отныне быть ему вечно. Совсем скоро, по весне, в широком половеде будут удивленно смотреться и прибрежные тополя, и сам тихий Дон, последней и тоже вечной шолоховской награды, будет осторожно ластиться к этому, тоже великим ставшему берегу».

Вадим ОГУРЦОВ,
наш собственный корреспондент;
Константин ПРИЙМА,
доктор филологических наук.